

О мерте,
о любви,
о судьбе

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ВЕРЫ КОЛОЧКОВОЙ

СЛЕЗА ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МАДОННА
КЛЮЧИ ОТ ЯЩИКА ПАНДОРЫ
ПАРТИЯ ДЛЯ ЛОВЕЛАСА
ОБИТЕЛЬ СИНЕЙ БОРОДЫ
СИНДЕРЕЛЛА БЕЗ ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛЬКИ
КОВАРСТВО, ИЛИ ТАЙНА ДОМА С МЕЗОНИНОМ
СЛЕПЫЕ ПО БРЕЙГЕЛЮ
ТРЕТИЙ РЕБЕНОК ДЖЕЙН ЭЙР
ПРАВИЛО ПАРАЦЕЛЬСА, ИЛИ ТРИЛОГИЯ ДЛЯ СВЕКРОВИ
ИЗ ЖИЗНИ МЭРИ, В ДЕВИЧЕСТВЕ ПОППИНС
ДЕТИ АФРОДИТЫ
ЛАСТОЧКА ДЛЯ ДЮЙМОВОЧКИ
ЛЕДИ МАКБЕТ МАРКЕЛОВА ПЕРЕУЛКА
РАНДЕВУ ДЛЯ ТРЕХ СЕСТЕР
БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА
ДОМ ДЛЯ ОДИССЕЯ
ПАРАДОКС ГРЕТХЕН
ЗНАК НЕФЕРТИТИ
НЕМНОГО ЛЮБВИ ДЛЯ БЕДНОЙ ЛИЗЫ
ЗОВ СИРЕНЬ
ЗИМА ДЖУЛЬЕТТЫ
УМЯГЧЕНИЕ ЗЛЫХ СЕРДЕЦ
ВОЛОСЫ БЕРЕНИКИ
МУЖ В ОБМЕН НА СЧАСТЬЕ

ВЕРА КОЛОЧКОВА

КРАСИВЫЕ МАМЫ
ДОЧЕК НЕ ЛЮБЯТ

р о м а н

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.
К61 Красивые мамы дочек не любят : роман /
Вера Колочкова. — Москва : Издательство
«Э», 2018. — 352 с. — (О мечте, о любви,
о судьбе. Проза Веры Колочковой).

ISBN 978-5-04-091523-1

Мишель, Сашка и Машка привыкли, что все в их доме крутится вокруг мамы — ведь она самая красивая, самая молодая, самая утонченная. И вдруг папа, который всю жизнь был верным и преданным, ушел от нее к толстой деревенской девке. Мир рухнул, но вместе с тем к девочкам пришло сомнение: а любит ли их мать? Как жить трем сестрам с этой мыслью? На чью сторону встать — на сторону оступившегося отца, беззаветно служившего семье, или на сторону матери, которая, как оказалось, беззаветно служила только себе? И есть ли у них возможность своей дочерней любовью склеить развалившуюся семью?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091523-1

© Колочкова В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

...И МАТЬ ИХ СОФЬЯ

Соня

Соня с трудом выбралась из привычного, ставшего уже навязчивым сна, который повторялся довольно часто, был странным, тревожным и необъяснимо тягостным. Во сне она мучительно что-то писала, вернее, пыталась писать. Отчего-то знала — так надо. А что именно должно было родиться в муках творчества — роман, повесть или рассказ, — так и не могла в момент пробуждения вспомнить. Нет, поначалу все было здорово, конечно, — сонные образы получались красивыми, точными, емкими, сверкали готовыми фразами, торопливо цеплялись одна за другую, образуя некую целостность, вызывая ощущение острой необходимости их записать. Скорее, скорее записать! Звонкое такое стремление, счастливое, похожее на прыжок в небо. Аж дух захватывало! А потом... Потом — полный провал. Конец. Вернее, начало сонного кошмара. Вот она садится, суетливо вспоминает что-то, берет перо и бумагу... И — стоп. И нет ничего. Из-под руки выползает грязное месиво из длинных сложносочиненных бессмысленных предложений — урод-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ливых, нечитаемых, невнятных, больше похожих на бред сумасшедшего. Но образы-то были, точно были, хоть разорвись там, во сне! Она и разрывалась от раздражения, от тяжелой муки, просыпалась в холодном поту. Да еще и конец последнего предложения в момент пробуждения надолго застревал в голове, часто возвращался в течение дня, удивляя своей убогой словесной сумбурностью. Зачем ей так часто снится этот мучительный литературный бред, она не понимала. Графоманией Соня не страдала и вообще даже писать не пыталась. Кому рассказать — засмеют. Может, читать на ночь меньше надо? А может, и впрямь ее душа творчества требует? Хотя чего ей, душе, вдруг творчества захотелось — в такой-то момент...

Странно, как это ей вообще удалось заснуть этой ночью. Вернее, уже под утро, поскольку ночью ни Соня, ни три ее дочери не спали, а занимались каждая, собственно, своим делом. Соня или плакала, громко, с истерикой и причитаниями, или сидела, замерев, как сова, с широко открытыми пустыми глазами, а ее девочки — Мишка, Сашка и Машка — кружились вокруг нее испуганным хороводом с валерьянкой, мокрым полотенцем да сладким горячим чаем. Причина суматохи была довольно банальной — от нее, от Сони, вчера ушел муж, Игорь, отец семейства, надежда и опора, добытчик и хранитель покоя, каменная стена, столько лет дававшая Соне на-

...И мать их Софья

дежную защиту. Наверное, было уже или очень позднее утро, или полдень; даже через натянутое на голову одеяло Соня слышала щебет птиц, чувствовала теплые лучи солнца, заполнившие комнату, ощущала веселые апрельские позывные, навстречу которым еще несколько дней назад легко соскочила бы с дивана, включила громкую музыку, вместе с первым глотком кофе услышала б в себе знакомую радость нового дня. Все кончилось катастрофой, поезд ее жизни сошел с рельсов, перевернулся. Она умерла, ее раздавило, разрезало на части, и при чем тут быющее в окно солнце, при чем тут чирикание весенних птиц и ветер, ворвавшийся в открытую форточку и так некстати принесший с собой запахи теплой земли и прелых прошлогодних листьев?

Соня не понимала, сколько времени лежит так, боясь пошевелиться. Как она ни старалась, все никак не удавалось примерить ситуацию на себя, слишком странно и нелепо по отношению к ней, к Соне, проклятая ситуация выглядела. Киношной какой-то, книжной, надуманной была ситуация. Это там с брошенными мужьями женщинами начинают происходить всяческие чудеса: поплакав чуть-чуть, они красиво и гордо вскидывают голову, обретают себя заново, потом идут делать сумасшедшую карьеру, потом обязательно встречают новую красивую любовь — лучше прежней. Нет, это все не для нее... Она не готова, она абсолютно не готова, она будет так тихонько,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

затаившись, лежать, может, все само собой как-то и утрясется, разрешится, может, сейчас придет Игорь и все объяснит, и они посмеются все вместе, и забудут эти последние тяжелые для всех дни. А иначе и быть не может! Игорь же понимает, что она другая, не как все те женщины, которые обретают себя, делают карьеру, встречают новую любовь и далее, как говорится, по тексту...

И зачем она затеяла этот Мишкин день рождения! И дата у нее не круглая — 23 года, и не любит ее старшая дочка лишнего к себе внимания, и имени своего французского стесняется. В самом деле, ну какая она Мишель? Высокая, плотная, неуклюжая, с тяжелой походкой, вся в отцовскую основательную медвежью породу. И профессию себе дочь выбрала скучную — училась на факультете бухгалтерского учета в Финансовом институте. Училась, правда, хорошо, тянула на красный диплом. На день рождения пришла вся ее институтская группа — пятнадцать дружных хохотушек, радующихся любому поводу повеселиться, потанцевать, поболтать. Сколько ни напрягала потом Соня память, а так и не смогла вспомнить лица той девочки, Эли, которая фактически увела за собой с того дня рождения Игоря, ее мужа. Вот так легко и просто увела, не приложив особых усилий, не напрягаясь. Еще фамилия у нее такая специфическая... У нее даже мысль тогда промелькнула, как удачно содержание совпало с формой... Нет, а правда, какая же

...И мать их Софья

у нее фамилия, у этой юной незадачливой совратительницы?

Вспомнила! Бусина у нее фамилия. Маленькая круглая бусина, без всяческих опознавательных знаков и отличий. Весь вечер с такой бок о бок просидишь, потом на улице встретишь и не узнаешь. Она бы точно не узнала. А Игорь... Игоря с того самого дня она больше не видела. Ушел провожать Мишкиных гостей и больше не вернулся. Первые три дня она и не беспокоилась — мало ли, может, халтура какая подвернулась. Она вообще никогда не волновалась по поводу его длительного отсутствия. Так заведено было давно, с тех самых пор, как Игорь, потеряв постоянное место работы, стал заниматься частным извозом. Иногда и машину чью-нибудь подражался перегнать в другой город. Всякое бывало. Можно сказать, он даже преуспел на этом тяжелом поприще, то есть денег получалось добывать даже больше, чем на пресловутом и уныло «зарплатном» постоянном месте. Не пришел домой ночевать — значит, образовалась долгая поездка, значит, будут деньги. Такая вот у них меж собой была принята незыблемая установка. Даже мобильная связь в эту установку не вписывалась — не любил Игорь возиться с телефоном. И ей тоже казалось — так лучше. Незыблемость лучше любой мобильности. Другие скажут — ненормальная установка, очень странная и неправильная. И для нее, как для мужней жены, страшно легко-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

мысленная. И тем не менее — было именно так, уже сложилось со временем, затуманилось привычкой к отсутствию беспокойства.

Так прошли первые три дня, потом еще три дня, потом еще три...

Хотя последние три дня прошли уже в беспокойстве, конечно же. Очень уж долгим отсутствие получалось. А вчера вечером Игорь позвонил и сказал, что не придет уже никогда. Что он ушел к той самой Эле Бусиной, у которой так удачно совпали форма и содержание, и лица которой Соня совершенно, ну совершенно не помнит, хоть убей! Сначала она ничего не могла понять, ее просто оглушил мужнин голос в телефонной трубке — резкий, неприязненный, осязаемый какой-то, будто его можно было потрогать руками. Впервые за двадцать пять лет их совместной жизни он разговаривал с ней таким голосом, который совершенно сбил ее с толку. Просто механически протараторил информацию, и все.

Растерявшись, она и не сообразила сразу, что и как надо сказать, молчала, лихорадочно подбирая слова. Попробуй, подбери их в такой ситуации, когда тебя вот так, из огня да в полымя! Без подготовки! По телефону! А Игорь и ждать не стал, когда она их подберет. Положил трубку. И двадцать пять лет семейной жизни — коту под хвост.

А ведь через неделю и правда их юбилей, все-таки четверть века вместе, трех детей нажили... Говорят — даже свадьбу какую-то можно справ-

...И мать их Софья

лять. Серебряную, кажется. Может, он вспомнит и ему станет стыдно? Про свадьбу-то? Может, он одумается? Она была даже согласна на Элю — пусть будет, ей не жалко, ради бога! Но только где-то там, за пределами ее, Сониного, пространства, в качестве подруги, любовницы, в каком угодно качестве. Лишь бы он вернулся, лишь бы все было как прежде! И почему она так растерялась, услышав мужнин голос в трубке? Почему не объяснила ему всего этого? Ладно, мол, черт с тобой, я согласна на Элю Бусину. Вот он придет, она и объяснит. Просто и ясно. Да, надо просто подождать! Он придет, и все встанет на свои места. Надо ждать! Другого выхода у нее просто нет.

Найдя для себя таким образом точку опоры, Соня смогла встать с постели, и покурить, и выпить спасительную чашку крепкого кофе, и, наконец, умыться. Собственное отражение в зеркале ванной комнаты ничем не напугало, было тем же, привычно приятным: хорошо сохранившийся для ее возраста овал лица, гладкая белая кожа, пухлые капризные губы, озорные смольяные кудряшки красиво падали на лоб и щеки, создавая впечатление ухоженной «небрежной» прически. Вот только глаза были другими — исчезло из них выражение счастливой беззаботности, приятной лени, что, собственно, и придавало ее лицу, как считала сама Соня, особую прелесть.

Она вообще всегда была довольна своей внешностью, которой занималась тщательно и с удо-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

вольствием. Ей нравилось в себе абсолютно все. Нравилось, как в ее мальчишеской тренированной фигурке ловко устроилась и живет себе поживает ленивая природная грация зрелой женщины, нравилось ухоженное молоджавое лицо, нравились черные кудряшки, нравилось удивленно-доверчивое выражение лица счастливого балованного ребенка. Собственная внешность всегда была предметом ее гордости, доказательством того, как правильно и мудро она устроила свою жизнь: никогда не занималась тем, что ей неприятно, и делала только то, что приносило удовольствие. Вот не нравится ей, к примеру, каждодневное навязанное общение, когда хочешь не хочешь, а ломаешь себя напряженной вежливостью, а нравится принадлежать только себе одной и никому больше. Так отчего ж не позволить себе такое удовольствие? И что делать, когда отчаянно хочется состояния беззаботности, когда никуда не надо торопиться по утрам, когда твое драгоценное время принадлежит тебе и только тебе? Так и дай себе эту беззаботность, в чем дело-то? Спи, читай, гуляй, собой занимайся. Делай как хочется! И отражение в зеркале обязательно ответит тебе взаимностью.

А хорошо выглядеть можно и без особых затрат — в этом она тоже была уверена. Тем более деньги на дорогие салоны и тренажерные залы в семейный бюджет не закладывались. Откуда им было взяться-то? Она не работала, а Игорь

...И мать их Софья

приносил в семью по большому счету немного, хватало только на то, чтобы свести концы с концами. Кстати, не такое уж это и плохое занятие — сводить концы с концами! Если заниматься им с увлечением. Отринуть от себя людские придумки про какие-то там обязательные материальные устремления и спокойно, никуда не торопясь, их сводить. А иногда и с азартом. Вполне можно массу удовольствий в этом занятии найти. Если все рассудить да распределить правильно, возложить на чаши весов желания и возможности... Ну вот сами посудите: зачем много и напряженно работать, суетливо зарабатывать деньги, чтобы потом много и без толку их тратить? И снова — работать? Какой в этом смысл? Не смысл, а беготня по кругу какая-то. А жить когда? Можно ведь и не напрягаться, не вставать в раннюю рань и не мчаться сломя голову на работу, где тебя еще и обхамить норовит каждый, а жить и жить себе спокойно, никуда не торопясь, не толкаясь в общественном транспорте среди таких же злобных и опаздывающих, не терять последние нервные клетки в автомобильных пробках, глотая удушливый газ во вред красоте и здоровью. А спортивный зал и косметический салон можно спокойно устроить у себя дома, делая под музыку те же самые упражнения и намазывая на лицо те же самые маски и кремы. И вообще, как считала Соня, женская красота — это прежде всего выспавшееся лицо, отсутствие в жизни женщины

ВЕРА КОЛОЧКОВА

хама-начальника и наличие у нее, у женщины, индивидуального личностного самопознания, которое не гонит из дому где-то и как-то изо всех сил самоутверждаться. Самоутверждение и самореализация — это тоже людские придумки, между прочим. И довольно коварные, ибо всех без разбору толкают в свое варево греховного честолюбия. Нет, совсем даже необязательно каждому без разбору прыгать в это варево! Далеко не многие там выживают. Только счастливики, родившиеся с крепким характером да серебряной ложкой во рту. А менее счастливое большинство просто бултыхается в кипятке, не осознавая, что всего лишь улучшает качество бульона для этих «немногих». Она, Соня, например, это прекрасно осознает. Потому никуда и не торопится. И реализуется — для себя. Дома. Самостоятельно. Даже на кухне во время приготовления обеда. Создать, к примеру, изысканный кулинарный шедевр из самых тривиальных и дешевых продуктов — чем не пример самореализации?

А кстати, о продуктах...

Поднявшись с кухонного диванчика, на котором сидела, докуривая уже четвертую за утро сигарету, Соня заглянула в холодильник. Ну конечно, именно сейчас в доме и нет ничего, и денег тоже нет. Все имеющиеся у нее деньги она неделю назад потратила на очень дорогую и красивую замшевую куртку, которую хотела купить давно, которая изумительно шла ей. На одежде Соня ни-

...И мать их Софья

когда не экономила. Одежда — это было святое, это стояло особняком от принципа удовольствия «сведения концов с концами». Да что там говорить — это обстоятельство считалось чуть ли не главным условием ее душевного равновесия, таким же, как легкая девичья худоба и идеальное состояние кожи. Соня была уверена, что ни дня не смогла бы прожить, будучи толстой, прыщавой и бедно одетой.

Она снова опустилась на диванчик и, беря из пачки очередную сигарету, почти насильно отогнала готовые вот-вот пролиться слезы. Пугливые горестные мысли снова заныли, закопошились в голове, опережая одна другую. Основной мыслью была, конечно же, прежняя, та самая, которая подняла ее из постели. Немного спасительная, под названием «нет, тут что-то не так». И впрямь, не может Игорь все бросить и уйти! Он же знает, что денег у нее нет совсем. Хотя — откуда? Не было у нее привычки ставить мужа в известность о своих расходах. И про покупку супердорогущей куртки она ему ничего не говорила, естественно. Но... Но он должен был предполагать, в конце концов! Или узнать хотя бы! Спросить, по крайней мере, есть ли у нее деньги на жизнь... Взял и бухнул в трубку — ухожу к Эле Бусиной! Надо же, какой ухарь-молодец, уходит он! Идиот! Смешнее и не придумаешь! Да он и увидел-то ее только у Мишки на дне рождения! Или... нет? Может, она, Соня, как всегда,